УДК 327, 341

Сергей КРИВОВ

Виталий ТОЛКАЧЕВ

НЕЙТРАЛИТЕТ: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЕВРОПЕ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с содержанием и эволюцией понятия “нейтралитет”, возникшего в период раннего Нового времени и получившего классическое понимание к началу XX века. В условиях развития интеграционных процессов и усиления взаимных обязательств государств по противодействию новым вызовам и угрозам возникла потребность в пересмотре гаагского понимания нейтрального статуса. В качестве методологической основы исследования берётся политический реализм, предполагающий стремление международного актора к доминированию в рамках политического пространства, включая возможности для осуществления политического манёвра. Также в статье используется неоконструктивистская методология, рассматривающая, в противоположность формально дескриптивным подходам, явления международно-политического процесса и связанные с ними политические практики с точки зрения субъективных внутренних установок. Исторически политика нейтралитета находилась в противоречии с идеей коллективной безопасности, а события Второй мировой войны способствовали постепенному отказу от его традиционного понимания. Однако глобальное противостояние двух мировых политических систем эпохи холодной войны создало предпосылки для возрождения нейтралитета как определённой политической ниши, давшей возможность ряду государств балансировать между интересами великих держав, защищая свой суверенитет. Опыт европейских нейтральных государств последнего времени свидетельствует о смещении акцентов с чисто военного в сторону политического измерения проблемы. Результаты исследования могут быть положены в основу разработки концептуальных подходов к анализу проблем европейской и глобальной безопасности.

Ключевые слова: нейтралитет, коллективная безопасность, глобализация, интеграция, международные отношения.

© **Кривов Сергей Валерьевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории политики и коммуникации Института международных отношений и мировой истории ФГАОУ ВО “Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского”. **Адрес:** 603950? Нижний Новгород, пр-т Гагарина, 23. **E-mail:** skrivov@rambler.ru

© **Толкачев Виталий Валерьевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой дипломатии и международного права Института международных отношений и мировой истории ФГАОУ ВО “Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского”. **Адрес:** 603950? Нижний Новгород, пр-т Гагарина, 23. **E-mail:** tolkatchev_v@mail.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52019100109>

Термин “нейтралитет” происходит от латинского слова *neuter*, что означает “ни тот, ни другой” и предполагает признанный международным сообществом отказ государства от участия в войне, за исключением необходимой обороны, а в мирное время – неучастие в военных блоках. Нейтральное государство берет на себя обязательства не предоставлять собственные вооруженные силы и территорию воюющим сторонам, а также не дискриминировать стороны конфликта в поставках товаров и ресурсов, то есть не участвовать в международных санкциях. Едва ли не каждое четвертое государство в мире в разное время рассматривало нейтралитет как часть своей внешнеполитической доктрины, однако изменения современной системы международных отношений и мирового порядка ставят на повестку дня вопросы о соответствии традиционного понимания нейтралитета новым политическим реалиям.

Становление концепта нейтралитета

В Средние века нейтралитет понимался исключительно как желание отдельных правителей оставаться вне вооружённых конфликтов. Затем Гуго Гроций ввёл правовое понимание концепта нейтралитета в своем знаменитом трактате “О праве войны и мира” (1625). Выводя его из концепции естественного права, а не из государственной практики или международных соглашений, он указывал, что “те, кто остаются в мире, должны демонстрировать беспристрастность к любой стороне в снабжении их войск и не должны помогать тем, кто находится в осаде” [Гроций]. В 1648 г. концепции нейтралитета был брошен вызов Вестфальским мирным договором с его *принципом коллективной безопасности*, согласно которому мир в Европе следовало поддерживать военными санкциями против государства, его нарушившего, а нейтралитет ставился под запрет как противоречащий обязательству объединения сил против агрессора. Затем в ходе Французской революции возникло убеждение, что вооруженная агрессия одной нации против другой будет правонарушением в отношении всех наций, а интересы отдельных государств должны подчиняться “всеобщим интересам рода человеческого”.

Ситуация изменилась в эпоху Наполеоновских войн и Венского конгресса 1815 г., когда постоянный нейтралитет был провозглашён соответствующим общим интересам Европы, а Швейцарская Конфедерация была даже признана вечно нейтральной. Наконец, на второй Гаагской мирной конференции в 1907 г. был достигнут консенсус: все государства, не принимавшие участие в конфликте, были обязаны следовать правилу нейтралитета. На них распространялось обязательство не помогать воюющим сторонам войсками или вооружением, а также не давать использовать свою территорию. В свою очередь нейтральное государство могло рассчитывать на уважение своих суверенных прав, что не сопровождалось обязательствами регулировать экономические связи с воюющими странами и сохранять беспристрастность в идеологической сфере. Гаагские правила, в сущности, сохранили своё действие до настоящего времени.

Первоначально нейтральные государства рассматривались как не имеющие собственных вооружённых сил, однако к началу XX века получило распространение представление об их праве защищать себя в случае нападения, чтобы в случае военного конфликта одна из сторон не могла использовать его территорию в про-

тивостоянии с другими воюющими государствами. История становления концепции нейтралитета шла рука об руку с развитием доктрины коллективной безопасности, которая со времен Вестфальского мира рассматривалась в качестве её антипода: нейтралитет вместо коллективной безопасности и наоборот [Lalive, 1947: 9].

Нейтралитет и коллективная ответственность

В XX веке создание крупных глобальных и региональных международных организаций (ООН, НАТО, ЗЕС, ЕС, ОДКБ и т.д.) сделало проблематичным сосуществование нейтральных государств и всей сложной системы международных обязательств по противодействию вызовам международной безопасности. Уже в 1920 г. была учреждена Лига Наций, где каждый участник был обязан автоматически вводить экономические санкции в отношении агрессора, используя по рекомендации Совета Лиги и военную силу. Это создавало двусмысленную ситуацию, хотя в Лигу были приняты нейтральные страны. Так, обязательства Швеции по участию в коллективных действиях были безоговорочными, а Швейцария получила формальное освобождение от обязанности принимать участие в военных санкциях Лиги, что получило обозначение *ограниченного нейтралитета* [Blix, 1970: 45].

Система коллективной безопасности не прошла испытания, когда Италия вторглась в Эфиопию в 1935 г., а Совет Лиги не смог выработать эффективные контрмеры. В результате Швейцария провозгласила возвращение к полному нейтралитету, а семь малых традиционно нейтральных государств: Дания, Финляндия, Нидерланды, Норвегия, Испания, Швеция и Швейцария – приняли совместную декларацию, означавшую отказ от обязательства по введению санкций по ст. 16. Устава Лиги. Также о нейтралитете заявила 21 латиноамериканская страна. Таким образом, накануне мирового кризиса именно нейтралитет стал той альтернативой, с которой многие связывали решение своих внешнеполитических задач, и, как показал опыт, многие нейтральные государства смогли минимизировать свои потери в ходе Второй мировой войны.

В 1945 г. в Сан-Франциско был принят Устав о создании Организации Объединенных Наций. При этом по-прежнему существовали разногласия о соотношении нейтралитета и новой системы коллективной безопасности. Более того, Франция вообще предложила отстранить нейтральные государства от вступления в организацию. И хотя это не было принято, согласно ст. 2 (5) Устава ООН, государства-члены обязывались оказывать содействие в любой акции, предпринимаемой против воюющих сторон с целью достижения мира [Устав ООН].

Проблема дискутировалась на съезде Ассоциации по международному праву (ILA) в Кембридже в 1946 г., где К.С. Дэн заявил, что нейтралитет более не является допустимым статусом [The International Law Association: 1946: 43], а Х. Кельсен, прояснил, что ст. 2(5) Устава делает его несовместимым с принципами Организации [Kelsen, 1951: 94]. Действительно, всякий раз, когда мировое сообщество прибегало к идее коллективной безопасности (1920, 1945 и 1990 гг.), международный режим нейтралитета 1907 г. автоматически входил в противоречие с реальной ситуацией. Очевидно, что решения Гаагской конвенции теряют силу, если Совет без-

опасности ООН принимает решение против агрессора, а государства-члены будут обязаны выполнять резолюцию в отношении одной из сторон.

Поскольку из 20 государств, объявивших нейтралитет в начале Второй мировой войны, лишь восемь вышли из международного конфликта более или менее невредимыми, негативный опыт привёл их к вступлению в военные альянсы, формирующиеся после 1945 года. Так, Бельгия, Люксембург, Нидерланды, Дания, Норвегия и Португалия в качестве гарантии своей безопасности и независимости стали рассматривать членство в ООН и НАТО, а также перспективы европейской интеграции в плане защиты суверенитета. Государства с длительной историей нейтралитета (Швейцария и Швеция) после войны находились под значительным международным давлением: они обвинялись в получении экономических выгод от войны и в незначительности их вклада в победу над нацистским режимом в Германии. Когда швейцарцы попытались вступить в переговоры о членстве в ООН на условиях принятия их особого статуса, Генеральный секретарь генерал Трюгве Ли заявил: “Нейтралитет – это слово, которое я не могу найти в Уставе”. В результате Швейцария вообще решила остаться за пределами ООН вплоть до референдума 2002 г. Швеция, напротив, подчинила свой нейтралитет законодательству ООН, что означало, что её нейтральный выбор не применяется в случае введения Совбезом ООН санкций. Позднее, в 1955 г., членами ООН стали Австрия, Ирландия и Финляндия с менее выраженными обязательствами относительно участия в санкциях [Колосов, 2005: 56]. Во многом такое положение вещей стало следствием компромисса между интересами великих держав. Таким образом, многое указывало на то, что ряд положений и трактовок Устава ООН не отражают некоторые реалии международного взаимодействия и возможности для нейтралитета, в конце концов, сохраняются.

Послевоенный мир: от разочарования к переосмыслению нейтралитета

Несмотря на разочарование в нейтралитете, неудачный пример многих государств, лишь накануне войны провозгласивших себя нейтральными, говорит о том, что это процесс длительного выстраивания отношений с другими государствами, а массовый довоенный переход к нейтралитету стал следствием кризиса политики коллективной безопасности и имел формально-декларативный характер. В то же время позиция великих держав в отношении нейтральных государств после войны объяснима, прежде всего, стремлением к переделу сфер влияния и скептическим восприятием их нейтрального статуса. Не следует забывать о создании Советским Союзом так называемых “залогов безопасности” в странах Центральной и Восточной Европы, которые должны были войти в сферу советского влияния, а также об опасениях западных держав, боявшихся роста коммунистического влияния даже в таких странах, как Италия и Франция. Последовавшее затем политическое размежевание сил в Европе и возникновение военно-политических блоков способствовало появлению возможностей для маневрирования со стороны нейтральных государств, хотя их экономика была в значительной степени зависима от торгово-экономических связей с Западной Европой и США, а в идеологическом плане европейские нейтральные государства были определённо частью так называемого

“свободного мира”. Таким образом, с течением времени назрела необходимость в переосмыслении понятия “нейтралитет”.

В этот же период появляется альтернатива в виде Движения неприсоединения, в массовом сознании тесно связанная с бывшей Социалистической Федеративной Республикой Югославией, постоянно маневрировавшей между сферами интересов сверхдержав. Поначалу дипломаты из Москвы и Вашингтона терминологически и концептуально обозначали внешнеполитическую стратегию И. Тито как “югославский нейтралитет”, хотя и относились к ней как “аморальной”, “оппортунистической” и “недальновидной”. В ней усматривалось желание югославов избежать ответственности в критический момент истории и реализация эгоистических национальных целей и интересов, не совместимых с текущими глобальными приоритетами. В какой-то степени это делало ситуацию идентичной той, с которой столкнулись нейтральные государства в послевоенный период. Выход был найден в новой форме внешнеполитической ориентации – создании Движения неприсоединения путем вовлечения в него неевропейских стран. Однако по причине конкуренции между югославским лидером Тито и наиболее влиятельными представителями азиатских и африканских стран (Дж. Неру, Г. Нассером и Сукарно) организационное становление Движения растянулось до 1970 г., когда последние покинули политическую сцену.

Несмотря на то, что неприсоединившиеся и нейтральные страны пытались сотрудничать и координировать свои действия, они реализуют разные подходы в области внешней политики. Неприсоединившиеся страны в целом склонны к открытой поддержке той стороны в конфликте, которая, согласно их оценке, противостоит агрессии и способствует сохранению мира. Очевидны различия и в восприятии существующих международных отношений. Если нейтральные государства являются защитниками сохранения статус-кво или отдельных изменений, не нарушающих сложившийся международный порядок, то для неприсоединившихся государств существующая система неприемлема и несостоятельна. При этом она рассматривается как причина доминирования ведущих держав над малыми государствами и как основание для неравенства, политического давления и многочисленных международных кризисов. Одним из главных приоритетов Движения неприсоединения была борьба за радикальную трансформацию существующей системы международных отношений и за создание нового мирового порядка с целью наведения мостов в ситуации нарастающего раскола между богатым Севером и бедным Югом. Кроме того, для статуса постоянного нейтралитета требовалось международное соглашение, выраженное в адекватной международно-правовой форме. В этом смысле постоянный нейтралитет основывается на нормах международного права и предполагает принятие данного статуса со стороны главных международных акторов. Статус неприсоединившейся страны как индивидуальная внешнеполитическая ориентация отдельного государства не регулируется правовыми нормами и не предполагает внешнего признания или наличия других политических и правовых условий, что, естественно, ставит под сомнение гарантии безопасности. Существуют лишь определённые критерии членства, которые предполагают следование принципам мирного сосуществования, неучастие в военных альянсах ведущих держав и отказ от любой возможности размещения военных баз на своей территории.

Евроатлантическая интеграция и проблема нейтралитета

Окончание периода холодной войны, исчезновение глобального противостояния между сверхдержавами, а также развитие взаимодействия в рамках НАТО и Европейского союза актуализировали необходимость пересмотра взглядов на сущность самого понятия “нейтралитет”.

Североатлантический военный блок (НАТО) был основан в 1949 г. как военно-политический альянс с целью обеспечения коллективной обороны, что изначально противоречило позиции нейтралитета. Однако следует иметь в виду, что это военно-политическая организация, а относительный вес этих двух составляющих не всегда был одинаков. Если в годы холодной войны терминологически и концептуально доминировала военная суть организации, то впоследствии политическое измерение если и не приобрело первостепенную роль, то получило большую значимость. Идея о совместимости нейтралитета и военно-политического сотрудничества стала принципиальным подходом НАТО в отношениях с другими странами с начала 1990-х гг. вне зависимости от линии их внешней политики и безопасности. В мае 1990 г. генеральный секретарь НАТО М. Вернер заявил, что нейтралитет не может быть использован в качестве оправдания отказа от сотрудничества с альянсом и не представляет собой препятствия со стороны НАТО [Address by Secretary General...]. В 1997 г. на церемонии подписания Декларации о программе индивидуального партнёрства Швейцарии и НАТО (ИРП), швейцарцы провозгласили, что “...участие в партнёрстве ради мира не является сигналом новой ориентации нашей политики безопасности... но [программа] дает новый импульс нашей политике” [Declaration of Federal Councillor Adolf Ogi...]. При этом специально оговаривалось, что страна намерена оставаться нейтральной, а сам нейтралитет является обязательством в пользу стабильности и безопасности в Европе и не противоречит солидарности.

Североатлантический альянс тем самым расширил возможности партнёрства с нейтральными странами и странами бывшего Восточного блока, которые также выразили готовность к взаимодействию. С конца XX века была переформатирована организационная структура альянса, а готовность к коллективной обороне перестала быть его единственной целью: среди приоритетов появляются кризисное регулирование и программы партнёрства со странами, не входящими в блок. Кроме того, распространилась за пределы зоны ответственности организации и сфера действия, например, в бывшей Югославии и даже вдалеке от Европы – в Афганистане. Среди основных механизмов сотрудничества следует выделить взаимодействие в рамках Совета евроатлантического партнёрства (до 1997 года – Совета североатлантического сотрудничества) и программы “Партнёрство ради мира” (ПРМ).

Оставаясь приверженным идее коллективной и территориальной обороны, предусмотренным в пунктах 5 и 6 Вашингтонского договора, альянс, соответственно, стал принимать во внимание глобальный контекст международной безопасности [The North Atlantic Treaty]. Его интересы стали отражать риски более широкого плана, включая терроризм, организованную преступность и сокращение ресурсной базы, что нашло отражение в решениях Лиссабонского саммита 2010 г.

В свою очередь страны, не входящие в Альянс и не связанные договорными обязательствами, как непосредственно государства-члены, могут играть даже более важную роль в новых операциях НАТО, например, в рамках миротворческих ак-

ций, в содействии в доставке гуманитарной помощи и преодолении последствий катастроф. Они могут взаимодействовать с НАТО без изменения основ своей оборонной и внешнеполитической доктрины, хотя нейтральные государства до сих пор рассматривают мандат Совета безопасности ООН как необходимое условие для участия в миротворческих операциях.

Однако после событий на Украине 2014–2015 гг. в НАТО на практике вернулся приоритет принципа коллективной обороны (увеличение вооружений и количества войск на Востоке Европы) над кризисным реагированием, усиленный ещё и возможными военными угрозами от террористических “государствоподобных” образований Ближнего Востока. В целях укрепления оборонного потенциала (например, защиты стран Балтии) на саммите 2014 г. в г. Ньюпорт (Великобритания) было принято решение о создании Объединённой оперативной группы повышенной готовности (VJTF), введенной в структуру Сил быстрого реагирования НАТО (NRF). Это привело к возобновлению дискуссии о соотношении нейтралитета и потребностей коллективной безопасности в современных условиях, особенно учитывая усиление в последнее десятилетие военного сотрудничества с НАТО Финляндии и Швеции [Карпова, 2018: 150].

Не менее сложным в данном контексте является и вопрос о европейской интеграции. Прежде всего здесь следует отметить соответствующую “специфику” членов Европейского союза: среди них теперь и европейские члены НАТО, и бывшие члены Варшавского пакта, и современные нейтральные государства. Общая политика безопасности и обороны ЕС обеспечивает Европейский союз оперативным потенциалом гражданского и военного характера и реализуется посредством миссий за пределами Союза для поддержания мира, предотвращения конфликтов и укрепления международной безопасности в соответствии с принципами Устава ООН. В перспективе же общая политика безопасности и обороны должна включать в себя постепенное формирование единой оборонной политики (ст. 42.1 и 42.2). Относительно взаимных обязательств военно-политического характера Лиссабонский договор гласит, что государства-члены обязаны оказывать жертве агрессии помощь и содействие всеми возможными способами в соответствии со ст. 51 Устава ООН (ст. 42.7). Кроме того, договор обязует государства-члены действовать совместно в духе солидарности, если кто-либо из них стал объектом террористического нападения или жертвой стихийного или антропогенного бедствия (ст. 222.1). ЕС в плане реализации положения о солидарности после соответствующих процедур мобилизует все имеющиеся в его распоряжении инструменты, включая военные ресурсы, для оказания помощи [Consolidated versions of the Treaty on European Union...].

Однако, несмотря на такие формулировки, в договоре параллельно идут постоянные отсылки, что политика ЕС не должна наносить ущерба специфическому характеру политики безопасности и обороны некоторых государств-членов и должна уважать обязательства в рамках Организации Североатлантического договора. Такая оговорка позволяет нейтральным государствам и членам НАТО быть более свободными в выборе действий в случае необходимости. В то же время активная отрицательная позиция по какому-либо вопросу любого государства ЕС не даст принять консолидированное решение, потому что вопросы общей внешней политики и политики безопасности и обороны остаются на межгосударственном уровне приня-

тия решений без учёта наднациональных. Таким образом, в рамках Европейского союза есть общие обязательства, выполнение которых может носить на деле вероятностный характер, зависящий от позиции государства в тех или иных условиях.

Существует точка зрения, что развитие европейской стратегии обороны и безопасности может прийти рано или поздно в противоречие с политикой НАТО по мере повышения роли ЕС на международной арене, несмотря на то, что в своём нынешнем виде Европейский союз имеет ряд проблем, мешающих ему стать решающим и эффективным глобальным игроком. Прежде всего речь идёт о необходимости реагирования на различные и потенциально противоположные интересы государств-членов, включая нейтральные.

Европейская стратегическая культура является фактически суммой различных национальных стратегических культур всех 28 государств и может быть определена как набор представлений, точек зрения и норм, касающихся использования военной силы, формируемый в соответствии с историческим опытом. Так, скандинавские страны, например, развили традицию участия в миротворческих миссиях, что в период холодной войны рассматривалось именно как выражение политики нейтралитета, а сегодня чаще всего воспринимается как отход от него. С другой стороны, Франция и Великобритания, имеющие колониальный опыт, подготовлены к развёртыванию своих сил в различных частях мира.

Европейские страны различаются и в понимании трансатлантического сотрудничества: некоторые рассматривают усиление этого взаимодействия как основание европейской безопасности, в то время как другие защищают большую европейскую автономию в этой сфере. По этим причинам стратегическая культура ЕС в действительности основывается на стремлении к гармонизации приоритетов отдельных стратегических культур, а в случае её отсутствия имеется и сходное отсутствие согласованности соответствующих действий. Как противоположность национальным стратегическим культурам, сформированным и развившимся в результате исторического опыта, европейская стратегическая культура является, прежде всего, продуктом политических соглашений, инициативных действий и создания соответствующих институтов. Недостаток военных возможностей ЕС ведёт к смещению активности в рамках общей стратегии безопасности в направлении развёртывания гражданских миссий. В то же время разговоры о создании европейских вооружённых сил, которые слышны в последнее время, являются попыткой возрождения подходов 1950-х гг. с более активным продвижением идеи общеевропейской безопасности. Фактически заново ставится вопрос о сочетании разнонаправленных интересов государств в контексте выработки общих стратегических решений. В этой связи соотношение нейтралитета и обязательств в рамках Европейского союза вновь имеет тенденцию превратиться в достаточно сложный практический вопрос, стоящий на повестке дня.

* * *

Базовые принципы нейтралитета, таким образом, заложенные в систему международного права ещё в начале XX века решениями второй Гаагской конференции, фактически сохранились до нашего времени. Однако реальная практика показыва-

ет, что назрели объективные предпосылки для кардинального пересмотра и переосмысления содержательной стороны этого понятия. Очевидно, что в условиях глобализации всей системы международных отношений и мирового порядка традиционные подходы оказываются недостаточными и во многом препятствуют выработке адекватных внешнеполитических решений.

Исторически существовала дихотомия понятий нейтралитета и коллективной безопасности. Вторая мировая война и события, ей предшествующие, показали, с одной стороны, проблематичность их сосуществования, а с другой стороны, выявили ограниченность понимания в рамках традиций международной дипломатии рубежа XIX – начала XX века. Тем не менее период холодной войны во многом возродил традиционное понимание нейтралитета и его принципов, так как у нейтральных государств появилась возможность лавирования между интересами глобальных политических акторов, повышающая их международный статус. Послевоенный мировой порядок с его противостоянием двух политических систем благоприятствовал нейтралитету как способу определения своей политической ниши.

Однако распад СССР и окончание глобального противостояния вновь вернули мировое сообщество к необходимости переосмысления понятия “нейтралитет”. Фактически в настоящее время его понимание сместилось в сторону внеблокового статуса, что отражает изменившийся взгляд на суверенитет государства, всё чаще понимаемый не только во внутреннем, но и во внешнем контексте. Международные обязательства, прежде всего в рамках членства в различных политических и военно-политических объединениях, являясь неотъемлемой чертой современного мирового порядка, стали всё чаще рассматриваться как факторы, ограничивающие суверенитет. Для многих государств нейтралитет представляет собой новый способ отстаивания своей роли в качестве самостоятельных акторов международно-политического процесса и повышения своего влияния на международной арене путем лавирования между позициями “великих” или просто крупных держав. Нейтральные государства могут предоставлять свою территорию для проведения важных международных мероприятий, либо выступать в качестве арбитров в различных спорах, приобретая и укрепляя репутацию незаинтересованной стороны. Кроме того, нейтралитет может быть и ключевым элементом формирования национальной идентичности. Опыт европейских нейтральных государств свидетельствует о смещении акцентов с чисто военного в сторону политического измерения проблемы, тем самым заставляя пересматривать некоторые подходы к анализу проблем европейской и глобальной безопасности.

Список литературы

Гроций Г. (2019) *О праве войны и мира*. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Groziy_Kn1.pdf (дата обращения: 15.01.2019).

Карпова К. (2018) Вопрос присоединения нейтральных государств Европы к НАТО: пример Швеции, *Проблемы европейской безопасности*, № 3, с.150–158.

Колосов Ю. (2005) Место постоянного нейтралитета в международных отношениях и в современной Европе (к 50-летию постоянного нейтралитета Австрии), *Московский журнал международного права*, № 4, с. 56–61.

Устав ООН (1945) URL: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html> (дата обращения: 15.01.2019).

References

- Blix H. (1970) *Sovereignty, Aggression and Neutrality. Three lectures*, Uppsala, p. 45.
- Consolidated Versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union (2008) Available at: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.C_.2008.115.01.0001.01.ENG&toc=OJ:C:2008:115:TOC (accessed: 15.01.2019).
- Declaration of Federal Councillor Adolf Ogi, Head of the Swiss Federal Military Department, Ceremony of mutual acceptance of the Swiss IPP by Switzerland and NATO (1997) Brussels, 18 June 1997, available at: <https://www.nato.int/docu/speech/1997/s970618b.htm> (accessed: 15.01.2019).
- Grociy G. (2019) "O prave voini i mira. Electronic resource", available at: https://www.civisbook.ru/files/File/Groziy_Kn1.pdf (accessed: 15.01.2019).
- Karpova K. (2018) Vopros prisoedineniya neytralnykh gosudarstv Evropy k NATO: primer Shvetsii, *Problemy evropeyskoy bezopasnosti*, no. 3, pp. 150–158.
- Kelsen H. (1951) *The Law of the United Nations*, New York, p. 94.
- Kolosov Y. (2005) Mesto postoyannogo neytraliteta v mezhdunarodnykh otnosheniyah I v sovremennoy Evrope (k 50-letiyu postoyannogo neytraliteta Avstrii), *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*, no. 4, pp. 56–61.
- Laliv J.F. (1947) International organization and neutrality, *British Yearbook of International Law*, vol. 24, p. 72.
- The Atlantic Alliance and European Security in the 1990s, address by Secretary General, Manfred Wörner to the Bremer Tabaks Collegium (1990) Brussels, 17 May 1990, available at: http://www.nato.int/docu/speech/1990/s900517a_e.htm (accessed: 15.01.2019).
- The International Law Association (1946) Report of the Forty-First Conference, Cambridge, p. 43.
- The North Atlantic Treaty, Washington D.C. (1949) Available at: https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_17120.htm (accessed: 15.01.2019).
- Ustav OON (1945) Available at: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html> (accessed: 15.01.2019).

Neutrality: Integration Processes in Europe

Authors: Krivov S., Candidate of Sciences (History), Associate Professor at Theory of politics and communication chair, Institute of international relations and world history, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. **Address:** 23, Gagarina Ave., Nizhny Novgorod, 603950. **E-mail:** skrivov@rambler.ru

Tolkachev V., Candidate of Sciences (History), Associate Professor at World diplomacy and international law chair, Institute of international relations and world history, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. **Address:** 23, Gagarina Ave., Nizhny Novgorod, 603950. **E-mail:** tolkachev_v@mail.ru

Abstract. This article deals with the content and evolution of the concept of neutrality. Since the early modern period, it has passed a complex and contradictory period of formation, and its classical understanding appears at the beginning of the 20th century. In the context of integration processes and strengthening of the mutual obligations of the States to counter new challenges and threats, there is an urgent need to revise the Hague understanding of the neutral status. The methodology is political realism, implying the subordination of the political space by the international actor, including opportunities for political maneuver. There are also attempts to use the neo-constructivist methodology, considering the phenomena of international political process and related political practices from the point of subjective internal attitudes. Historically, the policy of neutrality was in contradiction with the idea of collective security, and the Second World War contributed to the gradual abandonment of its traditional understanding. But the Cold War era has created an opportunity for the revival of neutrality as a certain policy space in which a number of countries balance between the interests of the great powers as a means to defend its sovereignty. Experience of the European neutral countries of the recent time shows the shift from a purely military dimension towards the political dimension of the problem. The results of the study could form the basis for the development of various conceptual approaches to the analysis of the European and global security.

Key words: neutrality, collective security, globalization, integration, international relations.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52019100109>